● ИЗ НАШЕЙ ИСТОРИИ

КАК ЭТО БЫЛО

Рабочий день подходил к концу, когда в редакцию зашел незнакомый человек. Спросил отдел писем, достал из кармана номер «Ленинской правды» от 4 июля со статьей Г. Сухушина «Этого забыть нельзя», воспоминания о годах сталинских репрессий в районе, подчеркнул абзац: «Через пять дет после этой расправы, в декабре 1942 года, на этой же Титовской горе арестовали 16-летнего киномеханика Коновалова Александра Банифатьевича...».

—Так вот я и есть тот самый киномеханик. Коновалов Александр Банифатьевич,—представился посетитель.

Неожиданная встреча, потому и разговор наш сумбурный, отрывочный. Александр Банифатьевич обещал прислать свои воспоминания, а пока—то, что сохранила магнитофонная запись —фрагменты трехчасовой беседы о том, как все это было.

ЖИЛИ мы с мамой, сестрой и братишкой, больше у нас никого не было. Сестра была старше, Настя Коновалова, работала в райфинотделе сборщиком налогов с населения. Умерла она в войну от туберкулеза легких. Здесь, в Парабели, и похоронена.

А я закончил Новосельцевскую неполную среднюю школу в 1941 году, в год начала войны, и старшие товарищи из райкома комсомола порекомендовали меня на работу киномехаником. Секретарем райкома комсомола была Костарева Нина Ивановна, она и вручала мне комсомольский билет. Жива она и сейчас. Проживает в Томске.

Направили меня в Колпашево, проучился с месяц, сдал экзамены и получил права киномеханика второй категории немой передвижки.

Меня пригласила к себе заведующая отделом пропаганды и агитации райкома партии товарищ Чернышова, очень любезно со мной побеседовала и порекомендовала обслуживать деревни, расположенные на берегах Оби и вдоль ее притоков, особенно подчеркнула, чтобы не забывал аборигенов—селькупов или, как их тогда называли, остяков.

Я побывал тогда, наверное, во всех селькупских поселках. Народ удивительный, он мне нравился и тогда, и сейчас. Очень добрые, гостеприимные люди.

Пришлось мне бывать и в Нельмаче. Тянуло меня туда еще и потому, что там жила моя родная тетя, мамина сестра, Капитолина Егоровна Сапсаева, бывшая замужем за селькупом.

Как сейчас помню, деревушка была маленькая, 10—12 домов. Колхоз носил имя, если мне не изменяет пáмять, «21 годовщины Октября». Несколько коров, основное занятие — охота, рыболовство.

Я был первый человек, который показал этим людям кино. Было это в 1942 году. Запомнилось, что когда я туда приехал и стал объяснять председателю, что вот, мол, кино привез, он в ответ говорит: «А что это такое?». Объясняю, что это когда на стену вешают экран и показывают на нем живые картины. «А-а, — говорит,—ты нас поиграть приехал!» «Ну ладно,—думаю, —поиграть так поиграть».

А фильм у меня был «Праздник святого Георгена» с участием Игоря Ильинского, Кторова, Климова... Мы нашли самую большую избу, где можно было установить аппарат, повесили белую простыню. Я пригласил свою тетю. Она была верующая, а хоть и неграмотная, но поняла, что на экране что-то не то происходит, жакая-то насмешка над богом, встала и ушла. Вечером спросил: «Что ты, тетя, ушла?» «А угорела я от твоего аппарата».

А в целом сеанс прошел нормально. Один только парень, счетовод, кажется, видел раньше кино, а все остальные смотрели впервые. Очень удивились, когда такой яркий свет вспыхнул, не то что керосиновая лампа. Динамо-машина приводилась в действие вручную.

НУ а потом я ездил по району — Сухушино, Перемитино, Малое Нестерово, Большое Нестерово, Новосельцево, Кальджа, Пашня, Малая и Большая Чигара, Покровка, Чигас, Большой, Малый Петкуль, Аргун, Нарым, Алатаево, и везде я побывал со своей маленькой кинопередвижкой.

Уже шла кинохроника с фронтов Великой Отечественной войны. В одном из киножурналов была рубрика «Сибиряки на фронте», я объявлял об этом заранее, и люди шли с надеждой увидеть своих близких. И такое было. Успел я показать и картину «Ленинград в борьбе», о днях борьбы и защиты великого города Ленина, документальные ленты о Сталинграде. И художественные —«Дума про казака Голоту», в основу которого была положена повесть А. Гайдара «Р.В.С.», «Мы из Кронштадта», «Цирк», «Кондуит», «Юность»— о юных коммунарах Парижской коммуны.

А в первых числах ноября 1943 года я получил картину «Джульбарс», и Василий Андреевич Терещенко, был он тогда старшим здесь в кино, направил меня в командировку.

(Продолжение следует).

КАК ЭТО БЫЛО

(Продолжение. Начало в № 105).

Доехал я до Большого Нестерова, там тогда моя мама жила, ехал на лошаденке... (Кстати, в моем деле записано: клевета на колхозный строй. И в качестве доказательства приведена строчка из моего стихотворения (а я тогда стихами баловался): «Часто мы на колхозной клячонке...». Вот эта клячонка стала главным аргументом моей неблагонадежности).

А 7 ноября 1943 года поехали мы с мамой утром за сеном, а когда вернулись, мне и говорят: «Иди в контору, тебя ждут, кто-то из района приехал». Я удивился: кому это мог понадобиться? Пришел в контору, сидит там один товарищ, он в НКВД работал, фамилия его была Очмаков, и он мне сказал: «Ну что ж, теперь мы с тобой не расстанемся». Посадили меня на лошадь и повезли в Парабель, поместили в КПЗ.

—Откуда мои стихи им стали известны?—спрашиваете.—Был у меня приятель, Арсен Нестеров, ему-то я и послал свое стихотворение, где та строчка была: «Часто мы на колхозной клячонке...» (это мы с ним раз куда-то ехали вместе, вот я и написал об этом). Арсена потом репрессировали, и в то время, когда я ему письмо посылал, он, видимо, был уже на примете. А происходило дело в Высоком Яре, я там был с кинопередвижкой, «Цирк» показывал. Почта в сельском Совете находилась. Запечатал я конверт, положил на стойку, чтобы отправили. А рядом сидел работник парабельской милиции, Ганичев его фамилия. Он это письмецо взял и положил то ли себе в карман, то ли в папку, уже не помню. Я спрашиваю: «Зачем?» Отвечает: «А пусть оно у меня побудет, я его передам куда надо». Вот и все. И оно действительно было приобщено к делу.

В КПЗ со мной посадили еще четверых ребят. Это были учителя из деревни Новиково: математик Михаил Михайлович Матусник, Дмитрий Дмитриевич Авдеев, Гусев, Ершов—молодые ребята, лет по 18—20. Авдеев потом удивительную роль в моей жизни сыграл, но об этом позже.

Дело, по которому я проходил, было групповым: 8 человек забрали в 1942 году и 12—в 1943. Были там и колпашевские учителя, которых я раньше никогда и не знал, были начальник пристани с Могочина Лунев, рабочий с Могочина Иван Кравченко. С некоторыми ребятами мы были знакомы по литературному обществу—собирались, читали стихи, обсуждали произведения, видимо, и свое мнение высказывали, не стесняясь. Вот за это и поплатились.

Меня сначала обвинили по ст. 58, п. 12: «знал, но не сказал»—такая формулировка была. А когда уже арестовали, то старший лейтенант Карпарулин в Колпашеве зачитал пункт постановления об аресте: «Находясь на свободе, Коновалов А. Б. может продолжать контрреволюционную деятельность».

Когда шел суд, разумеется, закрытый, в Колпашеве 22 июня 1944 года, прокурор по фамилии Гуйман (я его знал потому, что одно время он работал воспитателем Новосельцевского детского дома, а я привозил туда фильмы, устраивал детские сеансы, если было что-нибудь подходящее) спрашивает: «Скажи, Коновалов, а ты знаешь, что такое контрреволюционер?». Вот честное слово, я не знал тогда, что это слово обозначает. Вроде и грамотный был, семь классов окончил, а вот что это означает, не знал.

О БЪЯСНЕНИИ наших слушать никто не желал. Важно было, чтобы мы подписали все обвинения в свой адрес. Я понял, что самое верное—это подписать, тогда перестанут издеваться, не будут больше мучать. Как? Ну, спать не давали. Били. Это страшно вспоминать.

Первые дни заключения нас держали порознь. Такое состояние было, что трудно передать, трудно сейчас рассказать. Можно ли было не подчиниться, отказаться что-либо подписывать? Можно. Находились и такие люди. Но с ними поступали иначе: подсаживали в камеру кого-нибудь, а он потом давал показания, что в камере умирек такой-то продолжал антисоветскую агитацию и контрреволюционную пропаганду. Так что отмыться практически было невозможно.

Так вот об Авдееве. Он был постарше нас. И встретил я его в заключении, когда мы строили дорогу Комсомольск — Совгавань, так называемая сталинская новостройка. И вот пригнали нас в один из лагерей. Помню, что я был уже изможденным до крайности, еще чуть-чуть и—конец. Построили на перекличку, тут он меня и узнал. А его туда раньше прислали, и он работал нормировщиком. Узнал меня, приютил, и стал я работать у него. Почерк у меня был неплохой, и я ему помогал заполнять табели и прочие бумаги. С тех пор и ожил понемногу.

А потом в лагере узнали о моей профессии киномеханика. Нашлась и немая кинопередвижка, и стал я в лагере показывать кино.

ПОТОМ нас всех перевели на ДВЖД Хабаровского края, шла от этой станции нынешняя БАМовская дорога, и стал я там работать сначала на автопередвижке, а потом и в вагон-клубе.

В то время я был уже механиком звуковой передвижки. Под конвоем меня возили в Хабаровск, в кинотеатр «Гигант», там специальная комиссия выдала мне права киномеханика, и одно время я обслуживал и заключенных, и военнопленных, и даже вольнонаемных.

Что интересно, показывал кино и пленным японцам, бойцам квантунской армии. Ездил со мной японский офицер-переводчик, и во время сеансов, я когда звук слегка приглушал, он переводил. У меня до сих пор хранится фотография его семьи, которую он мне подарил, Такудо Минора его звали. Картины я им показывал «Ленин в Октябре», «Великое зарево», «Человек с ружьем», «Первая перчатка», «Яков Свердлов», все воспринималось ими очень хорошо. А трофейный фильм «Побег с каторги» произвел на японцев огромное впечатление. Многие из них английский понимали, поэтому в переводчике уже не нуждались.

(Продолжение следует).

КАК ЭТО БЫЛО

(Окончание. Начало в №№ 105, 106).

Ко мне они относились очень доброжелательно, не знали, куда усадить, чем накормить, хотя сами питались очень и очень плохо. Рис им давали только раз в неделю, небольшими порциями. А в основном кукурузную крупу. Многие из них болели, многие оставили здесь свои жизни. А когда в 1947 году их отправляли домой, помню, как сейчас, телячьи вагоны, в которых их везли, были украшены транспарантами: «Благодарим Советский Союз», «Расскажем правду о Советском Союзе». Вопрос только в том, какую правду. Я уже тогда начал понимать, что благодарить-то нас не за что. Страшное это дело.

На Колыму я попал в один из самых тяжелых периодов, 1948 год—новая волна репрессий, уже послевоенных. Позже мне пришлось видеть хронику тех дней—пришел в Магадан пароход, в бухту Нагаево, нагруженный исключительно колючей проволокой. И вот кинооператор снимал, как эту проволоку разгружают. Это говорило о том, что готовилась новая волна массовых репрессий.

И еще меня поразила тогда в хронике та армия заключенных, которых через весь город гнали с бухты Нагаева на пересыльный пункт. Они шли и шли, и не было им ни конца, ни края.

Работать заставляли на износ, кормили плохо. Казалось бы, пора прекратить работу, идти на отдых, а надзиратель то одно заставляет делать, то другое. Однажды кто-то ему что-то сказал по этому поводу. Так он в ответ с такой усмешечкой: «А мне ваша работа не нужна, мне нужно видеть, как вы мучаетесь». Это дословно, я ничего не придумываю.

Вроде и кормили, но почти не давали отдыхать. И вот однажды, когда стало совсем невмоготу, я оторвал на валенке заплату, чтобы отморозить ногу. Таким образом я попал в лазарет, отморозив четыре пальца правой стопы. Через десять дней пришел на прием к фельдшеру: «А-а,—говорит,—ничего, иди на работу». И все началось по новой. Ну и ходил, пока гнить не начало.

Еще запомнился эпизод, было это где-то между Комсомольском и Совгаванью. Катали мы тачки, отсыпали полотно железной дороги. И какой-то фотограф с «лейкой» делал снимки. Мы спросили: «Зачем это?» А он ответил: «Эти снимки пойдут в Кремль, товарищу Сталину».

И еще эпизод, когда мимо нас гнали женщин заключенных. Женщина, которая шла впереди, увидев меня, закричала: «Господи! А ребенка-то за что посадили?!». И начался такой плач женский, такой крик, что это невозможно было слышать и видеть. И вообще мне такие дикие вещи приходилось наблюдать, что творилось в этих лагерях, связанные с женщинами, о которых мне стыдно теперь рассказывать.

ЧТО ПОМОГАЛО выстоять в этом кошмаре человеческой бойни? То, что мне там пришлось вращаться среди людей очень больших, оставивших значительный след в истории советской литературы, искусства. Я учился у них всему—и стойкости в жизни, и правде, ведь они были настоящие коммунисты. Удивительные люди —Сергей Васильев, инженер и поэт, Семен Виленский, писатель и переводчик, Петр Зигмундович Деманд, опубликовавший недавно свои «Колымские воспоминания», Шаламов, Анатолий Жигулин—в «Знамени» его «Черные камни» вышли, поэт Василий Князев, стихи которого очень любил Ленин, Валентин Валентинович Португалов, который свой творческий путь начинал в театре Мейерхольда, учился в Литературном институте им. Горького, знал Маяковского, Багрицкого. И обо всем этом он рассказывал, а я впитывал, память у меня была феноменальная.

Но самое страшное, что среди тех, с кем приходилось общаться, были и злостные враги советской власти, уголовники. Все они содержались вместе с осужденными по политическим мотивам, но пользовались даже преимуществом перед ними. Особенно те, кто осужден за воровство, бандитизм, измену Родине, эти имели даже авторитет у начальства.

Как правило, все они были неграмотными или малограмотными. Четыре класса—уже казалось много. Некоторые интересовались литературой, просили меня почитать им что-нибудь, а то говорили: «Ну-ка, сынок, тисни нам роман!» Я и читал им простые такие вещи, приключенческие. Помню Майн Рида «Всадника без головы» прочел, Конан-Дойля и «Квентин Дорварда», на десять дней растягивал эти чтения, за это они меня кормили. А что делать? Жить-то как-то надо было. Были и те, кто Достоевским интересовался, Чернышевским. Всякие люди были. Память у меня была феноменальная, во многом она-то и спасла меня в заключении—где читаешь, а где и от себя присочинишь.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ я пробыл с 1943 по 1950 год. Реабилитация мне пришла в 1962 году. До этого я много писал в Москву, последний раз, помню, Ворошилову в 1952, после того как в Союз приехал Адэнауэр. В связи с его приездом была объявлена амнистия и пленным фашистам, и немецким гражданам, которые в свое время, находясь на территории СССР, совершили какое-нибудь преступление, я также тем советским немцам, которые в годы войны выступили против Советской власти, сотрудничали с фашистами, были ведь и такие. А я тогда был уже на свободе, но паспорта у меня еще не было. Унижение испытывал страшное, приходилось два раза в месяц ходить отмечаться к коменданту. И хотя я работал киномехаником в солидном Доме культуры, пользовался уважением, все равно нас считали людьми второго сорта. Я написал Ворошилову: «После того, как Вы амнистировали людей, которые с оружием в руках выступали против Советской власти, я вправе выразить возмущение против моего дальнейшего преследования» и послал в Москву, в Президиум Верховного Совета. Ничего не пришло в ответ. И только спустя десять лет, когда, видимо, началось массовое рассмотрение этих дел, мне пришла из Москвы такая гербовая бумажечка в самодельном синем конверте. Написано: «Верховный суд РСФСР. Выдано Коновалову Александру Банифатьевичу в том, что приговор Нарымского окружного суда, которым он был осужден в 1944 году (год я под следствием в Колпашево находился) по ст. 58.2 и 58.10, отменен из-за отсутствия в его действиях состава преступления».

Вот сегодня пришла реабилитация, а вечером подошла ко мне секретарь парторганизации: «Банифатьич,—говорит, — давай в партию вступай!». Это предложение не было для меня неожиданным. Жил я тогда в крупном рабочем поселке, и человеком был довольно заметным, перед каждым киносеансом выступал, рассказывал о фильме, об артистах, о режиссерах.

И все-таки клеймо «врага народа» еще долго на мне держалось. Ведь меня же не помиловали, а реабилитировали, признали же, что состава преступления нет. Но были люди, которые до последнего времени все чего-то опасались. Однажды секретарь райкома позвонил мне, попросил принести бумагу о реабилитации (а я работал тогда уже инструктором по кино в профсоюзе). Принес. Показал. Он тут же при мне снимает трубку, звонит в обком, говорит: «У него все в порядке». Оказывается, мне решили присвоить звание «Заслуженный работник культуры», и для этого требовалось соблюсти такие вот формальности. Ну каково мне было? Всю жизнь клеймо это...

Это вот сейчас мы с вами так свободно говорим, не боимся. А ведь до сих пор есть, и я даже слышал, что и в Парабели немало таких, которые говорят: «Вот бы нам Сталина сейчас, он бы навел порядок!» Причем немолодые даже люди говорят такое. Не нравится им сегодняшний порядок. «Подождите,—говорят,—еще изменится время». А я твердо верю, что то, что было при Сталине, уже не вернется никогда. Никогда у нас уже не будет такого страха и не нужен нам такой «порядок».

Материал к печати подготовила

И. РАЙМ.